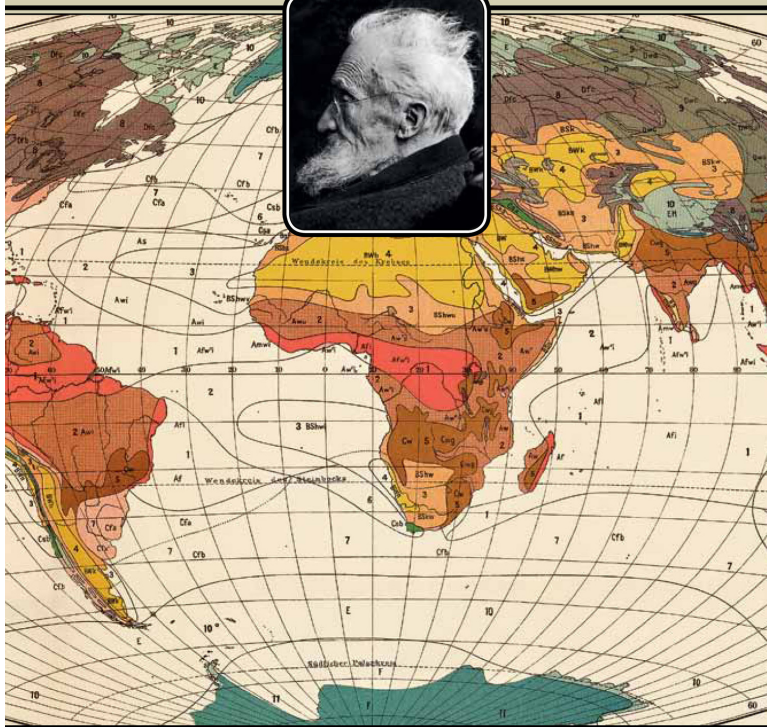
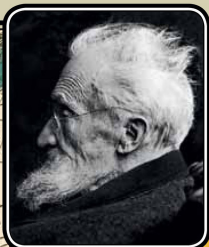


ЭЛЬЗА ВЕГЕНЕР-КЁППЕН

# Владимир Кёппен

УЧЕНЫЙ, ПОСВЯТИВШИЙ ЖИЗНЬ  
МЕТЕОРОЛОГИИ



Paulsen

# Эльза Владимировна Вегенер-Кёппен Владимир Кёппен. Ученый, посвятивший жизнь метеорологии

[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=36327109](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36327109)

*Владимир Кёппен. Ученый, посвятивший жизнь метеорологии:*

*ISBN 978-5-98797-203-8*

## **Аннотация**

Выдающийся ученый Владимир Петрович Кёппен внес большой вклад в развитие метеорологии. Его активная научная деятельность охватывает период с 1868-го по 1940 год. До последних дней своей долгой (93 года) жизни Владимир Петрович оставался деятельным и энергичным человеком. В. Кёппен разработал ряд новых направлений в развитии метеорологии, а также классификацию климатов земного шара, не потерявшую своего значения и в настоящее время. Ученого отличали выдающиеся способности исследователя-экспериментатора, феноменальное трудолюбие и универсальный подход к решению самых различных задач. Он был действительным членом Русского географического общества с 1872 года и его почетным членом с 1927 года. Представленная вниманию читателя книга включает две части: период жизни

Кёппена до 1903 года, о котором он рассказал в своем дневнике, и более поздний период, описанный его дочерью и женой другого знаменитого метеоролога и климатолога Альфреда Вегенера Эльзой Вегенер-Кёппен.

# Содержание

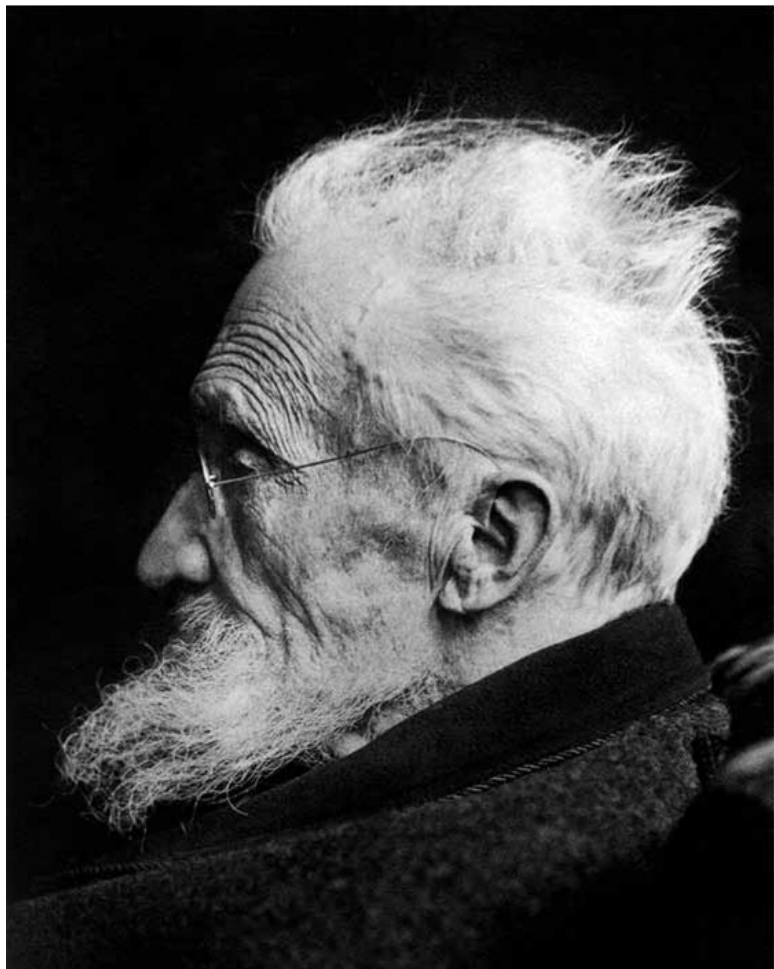
Предисловие к русскому изданию	8
Введение	14
Часть первая	24
Общие наблюдения восьмидесятипятилетнего	24
Мое происхождение и мое детство	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

**Эльза Вегенер-Кёппен  
Владимир Кёппен.  
Ученый, посвятивший  
жизнь метеорологии**

© 1955 Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft, Stuttgart,  
Birkenwaldstrasse 44, 70191 Stuttgart, Germany

© Паулсен, 2018

\* \* \*



Владимир Кёппен (1846–1940)

# Предисловие к русскому изданию

Эта книга – перевод на русский язык биографии Владимира Кёппена, составленной на основе его личных заметок и дополненной его дочерью Эльзой Вегенер. Впервые книга была опубликована в 1955 году в Германии. Лаборатория Кёппена при Институте наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета, созданная при поддержке мегагранта Министерства науки и образования Российской Федерации, названа в его честь и призвана увековечить имя этого замечательного человека. Санкт-Петербург может быть назван российской Меккой наук о климате. Здесь работал Михаил Иванович Будыко (1920–2001) – один из самых авторитетных климатологов XX века, здесь трудились и продолжают трудиться в различных научных организациях города ученые – метеорологи, географы, палеоклиматологи.

Владимир Петрович Кёппен родился 25 сентября 1846 года в Санкт-Петербурге. Ученый происходил из семьи с немецкими корнями. Его дед, врач Иоганн Фридрих Кёппен, был приглашен в Российскую империю Екатериной Великой в 1786 году для оказания помощи в становлении медицинской службы. Став подданным Российской империи, он получил известность под именем Иван Иванович Кёппен. В 1811 году его семье было пожаловано дворянство. Сын Ивана Ивановича Пётр Иванович Кёппен – отец Владимира Пет-

ровича – стал известным археологом, географом и специалистом по статистике, был избран членом Российской Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге. Как член академии, Пётр Кёппен получил квартиру для себя и своей семьи в «Доме академиков» в Санкт-Петербурге. В его академической квартире обсуждались идеи основания Русского географического общества – события, произошедшего 6 августа 1845 года. Позднее, с 1872-го по 1874 год, Владимир Кёппен был секретарем РГО.

Во время работы в Санкт-Петербурге Владимир Кёппен углубил свои знания в области метеорологии и климатологии, в частности, в вопросах глобального распределения климатических зон. Он работал в то время в лаборатории под руководством швейцарского метеоролога Генриха фон Вильда, члена Российской академии наук и президента Международной полярной комиссии. Именно при участии В. Кёппена и с учетом важных материалов, полученных исследовательской станцией на острове Сагастыр в дельте реки Лены, Россия внесла значительный научный вклад в Первый международный полярный год (1882–1883). Это случилось несколько лет спустя после переезда В. Кёппена в Гамбург; вне сомнения, именно он сыграл ключевую роль в установлении контактов между Георгом Ноймайером и Генрихом фон Вильдом, который был руководителем В. Кёппена в ранний период подготовки к Первому полярному году. Владимир Кёппен участвовал в международных конферен-

циях метеорологов и вскоре обрел известность как в России, так и за рубежом. Его «открыл» Георг Ноймайер, основатель и директор *Deutsche Seewarte* в Гамбурге (более позднее название *DHI (Deutsches Hydrographisches Institut* – Немецкий гидрографический институт), ныне это *BSH (Bundesamt für Seeschifffahrt und Hydrographie* – Федеральная морская и гидрографическая служба)). Георг Ноймайер – выдающаяся фигура в европейской климатологии и полярных исследованиях – нуждался в квалифицированных ученых, он предложил Кёппену должность начальника департамента прикладной метеорологии в своем недавно основанном учреждении. Несмотря на молодость, Кёппен уже тогда достиг успехов в науке, и ему наверняка было лестно получить приглашение в зарубежный гидрографический институт, где он и проработал с 1876-го по 1919 год.

Возможно, и немецкие корни Кёппена сыграли свою роль, но, скорее всего, близость научных идей Ноймайера и Кёппена привела этих двух ученых к многолетней совместной работе. Им обоим вскоре стало ясно, что для метеослужб очень важно международное взаимодействие. Позднее Кёппена освободили от многочисленных административных обязанностей в пользу его научной деятельности; он продолжал работать в институте вплоть до выхода на пенсию в 1919 году. На этом научном посту его сменил зять, близкий друг и коллега – ученый Альфред Вегенер.

Кёппен также играл важную роль в Немецком метеоро-

логическом обществе, сменив Ноймайера после его выхода в отставку. Владимир Кёппен много трудился на службе в *Deutsche Seewarte* (1875–1945), относящейся сначала к прусскому, а потом к германскому военно-морскому флоту. Похвальное слово (*laudatio* на эсперанто) в адрес ученого было опубликовано коллегами по *Deutsche Seewarte* по случаю его 80-летия в 1926 году (*Deutsche Seewarte*, Гамбург, 1926). Любопытно, что Кёппен был сторонником языка эсперанто, он видел в нем средство международной коммуникации.

Из биографии Кёппена стало известно, что его общественная деятельность выходила далеко за рамки сугубо профессиональных обязанностей. Помимо своей основной работы в научном учреждении, он наладил контакт с недавно основанным Гамбургским университетом. Кёппен стал титулярным профессором в Гамбурге, а в 1926 году получил степень почетного доктора. Его главные научные достижения были связаны с глобальной классификацией климатов, базирующейся на математически обоснованном разделении основных климатических зон Земли.

Молодой Альфред Вегенер познакомился с Владимиром Кёппеном в начале XX века. Он приезжал к своему старшему коллеге в Гамбург за советом. Там он влюбился в одну из дочерей Кёппена, Эльзу, и вскоре двух ученых уже связывали не только научные интересы, но и семейное родство.

Альфред Вегенер стал профессором метеорологии и геофизики в Университете Граца (Австрия) в 1924 году. Тогда

же обе семьи переехали из Гамбурга в Грац, где Вегенер с Кёппеном продолжили вести активную научную жизнь до самой смерти. (Вегенер умер в 1930 году, дожив только до 50 лет; Кёппен – в 1940 году в возрасте 93 лет.) Ранняя смерть Вегенера стала большим горем для семьи.

У Кёппена и Вегенера существовало зрелое научное партнерство, что ясно видно по их совместной книге «Климаты геологического прошлого» (*Köppen & Wegener, 1924*), которая привела обоих к тесному научному сотрудничеству с Милутином Миланковичем.

В этой книге Кёппен и Вегенер исследовали вариации земной орбиты вокруг Солнца и их влияние на кайнозойскую изменчивость климата (циклы Миланковича). Циклы Миланковича могут быть как реконструированы для прошлого, так и рассчитаны для будущего; некоторые ученые считают их важным инструментом для прогноза климатических изменений в будущем.

Всё это имеет высокую социально-экономическую значимость, поскольку развитое общество с его сложными технологиями действительно нуждается в основанных на научных данных «системах раннего предупреждения» о грядущих климатических изменениях и их экологических последствиях, с которыми мы можем столкнуться в будущем.

Мы выражаем признательность Фредерику Паулсену за его щедрость и спонсорскую поддержку издания этой книги на русском языке.

*Йорн Тиде и Андрей Жиров,  
Лаборатория Кёппена,  
Институт наук о Земле Санкт-Петербургского государ-  
ственного университета*

# Введение

*Будь человеком честным и достойным,  
Будь волен сам, но и другим позволь,  
Облегчи путь тернистый близким людям,  
А сердце с разумом не запятай.*

**В. Кёппен**

Владимир Петрович Кёппен родился 25 сентября 1846 года, ушел из жизни 22 июня 1940 года. Он признан мировым научным сообществом одним из выдающихся ученых-метеорологов. За свою жизнь он написал множество научных трудов.

Кёппен обладал удивительной работоспособностью и умением сосредотачиваться на основных проблемах, постоянно ставя перед собой все новые и новые задачи в сфере своих научных интересов.

В. Кёппен обладал глубокими познаниями во всех областях метеорологии: общей и синоптической метеорологии, которую он начал изучать первым в Германии, морской метеорологии, аэрологии.

Наиболее ярко его талант исследователя проявился в климатологии, тесно связанной со всеми прочими разделами метеорологии.

Будучи ученым-универсалом, В. Кёппен постоянно стре-

мился к системному подходу при изучении физики атмосферы и климата.

Новаторский подход и настойчивость, с которой В. Кёппен брался за решение научных задач в метеорологии, характеризует эпиграф к его статье в «Метеорологическом журнале» за 1914 год: *If you think it is vain, try and try and try again*<sup>1</sup>.

В своей научной деятельности В. Кёппен уделял внимание изучению различных вопросов. В заметках по гидрографии и морской метеорологии 1920 года он писал:

*Развитие научной мысли идет весьма запутанным путем, и часто очень сложно проследить ее возникновение и рост. Поэтому неудивительно, что исследователи, особенно молодые, часто приводят ошибочные данные. Тем не менее ценность результатов научной работы значительно возрастает, если мы узнаем о ее начале, и этот процесс сам по себе очень интересен, поэтому стоит время от времени обращаться к прошлому... В вопросах приоритетов сложно определиться; «Ступай, чудак, про гений свой трубя! Что б случилось с важностью твоей бахвальской, когда б ты знал: нет мысли маломальской, которой бы не знали до тебя!»<sup>2</sup> Конечно, новые мысли возникают, но они появляются настолько случайно, и в такой различной форме, и так*

---

<sup>1</sup> Если думаешь, что все напрасно, пытайся, пытайся и снова пытайся. (Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.)

<sup>2</sup> Цитата из «Фауста» И. В. Гёте. Пер. Б. Пастернака.

*мало поначалу привлекают внимания, что обычно развиваются в головах многих людей независимо друг от друга...*

Ежегодно на протяжении более 70 лет, с 1868-го по 1940 год, из-под пера Кёппена выходили научные труды. До конца жизни он продолжал заниматься исследовательской деятельностью с публикацией в научных изданиях.

В. Кёппен обладал даром научного предвидения, и его труды определяли направление исследований в области метеорологии на много лет вперед.

Отличительной особенностью научных работ В. Кёппена являлись ярко выраженное стремление к систематизации материалов исследований и тщательный учет мельчайших деталей при анализе больших массивов информации.

*Объяснению должно предшествовать точное установление фактов; мы должны пытаться представить фактический материал как можно более наглядно и выделить из всей полноты отдельных деталей крупные черты общей картины, не искажая факты преждевременным обобщением (Мет. журн., 1929).*

Методы работы В. Кёппена характеризуются широтой исследования рассматриваемых научных проблем и поиском причинно-следственных связей. Процессы формирования и изменения климата он рассматривал в планетарном масштабе. Его деятельность в Германской морской обсерватории,

где объектом исследования был «целый мир», была особенно плодотворной. Его также интересовали проблемы палеоклиматологии, то есть истории изменения климата в далеком прошлом.

В. Кёппен, как и его коллега, известный австрийский метеоролог Юлиус фон Ганн в Вене, сознавал свою ответственность за дальнейшие пути развития метеорологии. Размышления и рекомендации В. Кёппена современникам, иногда достаточно резкие, нашли отражение в ряде его научных статей.

Ученого отличал комплексный подход к изучаемым проблемам. Например, в 1914 году он писал в «Метеорологическом журнале»:

*Многие размышления, опубликованные за последние годы, уже 30–40 лет назад велись с таким же тяжелым трудом и, возможно, кажутся их авторам новыми только потому, что они уделили недостаточно внимания соответствующим фактам, из-за которых тогда рассмотрение этих вопросов было приостановлено. Существует мало оснований полагать, что возможно путем теоретических размышлений, без обнаружения новых важных фактов, прийти к новым объяснениям, которых мы все так хотим.*

В период службы в морской обсерватории он активно поддерживал инициативы коллег и сотрудников для развития их интереса к изучению метеорологии и в шутку называл себя «рабочим со случайным заработком». По этому поводу он

Однажды написал:

*Инициативы, обусловленные практическими потребностями, высоко ценятся в работе метеорологов. Для расширения наших знаний о природе первым необходимым шагом всегда является «постановка вопроса», и этот первый шаг во множестве случаев вызван практической необходимостью. Наука благодарна практике за это, но оставляет за собой право изучать дальнейшие вопросы, возникающие при достижении этой цели... Запросы и задачи, поступающие извне, – это очень важные и эффективные стимулирующие средства, даже если поначалу их воспринимают как помехи.*

Кёппен неоднократно высказывался о проблеме организации научной деятельности в крупных институтах, заключающейся в противоречии между «рутинной работой» и собственно научными исследованиями, что он тяжело переживал.

В докладе на общем праздничном собрании по случаю 25-летия основания Германской морской обсерватории в Гамбурге в 1908 году он сказал следующее (Мет. журн., 1909).

*Чтобы достичь нового этапа в метеорологии, нужно обработать огромное количество сохраненного материала глубже, чем делалось до этого. Нам нужно больше сотрудников, больше умов, причем таких, на которые не давит ежедневная рутина. Метеорологическим институтам необходимо*

*срочно устранить препятствие, заключающееся в распределении всех сил на подобные постоянные работы, и предоставить ученым пространство для рассмотрения сменяющих друг друга научных вопросов. Только тогда станет возможным выполнение их задачи – развития науки.*

Кёппен был верным и бескорыстным товарищем, прекрасным собеседником, поддерживающим и вдохновляющим коллег в личных беседах и общении.

После смерти в 1906 году своего единомышленника, метеоролога Адольфа Шпрунга (ассистент Кёппена с 1876-го по 1886 год), он писал в некрологе в «Метеорологическом журнале»:

*В это время мне посчастливилось наладить со Шпрунгом прекрасные отношения – мы постоянно сотрудничали и дополняли друг друга; такое бывает лишь раз в жизни. Для нас обоих это было самое плодотворное время. Молодая наука, синоптическая метеорология, требовала теоретического обоснования накопившихся в ней ценных научных данных, и Шпрунг идеально подходил для этой работы, потому что при его великолепной математической подготовке почва фактов никогда не уходила у него из-под ног.*

Все же он еще раз в полной мере испытал это счастье интенсивной, плодотворной, вдохновляющей совместной работы, когда в 1910 году начал активную переписку и обмен идеями со своим будущим зятем Альфредом Вегенером. Отно-

шения стали еще ближе, когда Вегенеры в 1919 году переехали в дом Кёппена. Это была встреча двух единомышленников, которые соответствовали друг другу по своему интеллекту, человеческим качествам, доброте и отзывчивости.

Кёппен перешел в метеорологию из биологии. Его склонность к биологии впоследствии проявлялась в работах по климатологии, где он увязывал результаты метеорологических исследований с живой природой и человеком. Его научные интересы распространялись за пределы метеорологии. Он занимался вопросами философии, истории и опубликовал по ним ряд работ.

В течение 44 лет Кёппен вел необычайно плодотворную деятельность в Германской морской обсерватории в Гамбурге. Оставив свой пост в 1919 году, он после этого еще более 20 лет занимался научной деятельностью. Его жизнь была чрезвычайно насыщена творческими идеями и научными успехами.

Об авторитете В. Кёппена как выдающегося ученого и человека в научных кругах Германии и за рубежом можно судить по количеству юбилейных изданий, подаренных ему в связи с круглыми датами (на 80-й, 85-й и 90-й дни рождения): два сборника сочинений Кёппена из «Хроник по гидрографии и морской метеорологии» и три тома его трудов из сборника «Сообщений по геофизике Герланда». Дань уважения памяти В. Кёппена отдана в некрологах, изданных в 1940 году. Их опубликовали Морская обсерватория – в

«Хрониках по гидрографии», Р. Зюринг – в «Метеорологическом журнале», Г. Шотт – в «Сообщениях Герланда», Э. ван Эвердинген – в голландском журнале «Хемель эн Дампкринг». Подробное перечисление заслуг Кёппена опубликовал В. Мейнардус в «Географических сообщениях Петерманна».

Кёппен был простым, скромным и непритязательным человеком. Он не был публичной персоной и не любил выступать на официальных мероприятиях или принимать личные награды.

Каждого, кто знакомился с ним близко, он быстро располагал к себе любезным вниманием при ответах на все вопросы и постоянной готовностью к помощи. Его всестороннее образование и интересы, выходящие далеко за рамки специальности, объединяли его с людьми самых различных кругов. В этом ему помогала великолепная память, которая до самого преклонного возраста давала ему возможность держать в уме прочитанные ранее книги – не только труды по его специальности, но и художественную литературу (его любимым произведением был «Фауст» Гёте).

В возрасте 85 лет Кёппен по просьбе своей семьи начал писать воспоминания. Он разобрал старые письма, записал памятные события, дополнив их фотографиями своих родителей, братьев и сестер, университетских преподавателей, коллег и друзей, и переплел все материалы в шесть томов. Первая часть настоящей биографии почти дословно была

взята из этих мемуаров.

К сожалению, ученый занимался данной работой только до 1903 года. Он решил, что его дети могли бы продолжать эту хронику, поскольку они в сознательном возрасте присутствовали при основных событиях его жизни. Однако его жизнь – более, чем семейная история. Она отражает развитие метеорологии с 1868-го по 1940 год. Большая часть материала, собранного для продолжения биографии, пропала во время беспорядков в Граце в 1945 году, только часть переписки между В. Кёппеном и А. Вегенером с 1910-го по 1918 год случайно оказалась спасена.

Профессор Эрих Кульбродт из Гамбурга любезно согласился обработать научную часть биографии. Он работал вместе с Альфредом Вегенером в Германской морской обсерватории с 1920-го по 1924 год и поэтому знал Кёппена лично. В 1946 году в Гамбурге он произнес праздничную речь по случаю 100-летия моего отца и был хорошо знаком с тематикой его научных исследований. Большинство данных о трудах Кёппена, а также начало этого введения принадлежат его перу, я же только включила их в описание жизни моего отца.

Я постаралась раскрыть важные особенности его биографии, которые повлияли на моего отца как ученого и сделали его тем, кем он был для науки, семьи и друзей. Рассказ о его молодости занимает относительно большое место, так как происхождение, окружение и обстановка, безусловно, определили его будущую жизнь. По его рассказам об этом вре-

мни можно заметить, что уже в молодости была заложена основа его добросердечной, гармоничной натуры и творческого пути.

*Эльза Вегенер-Кёппен*

# **Часть первая**

## **Из личных воспоминаний**

### **Кёппена о его жизни до 1903 года,**

### **записанных им собственноручно**

## **Общие наблюдения**

### **восьмидесятипятилетнего**

Если посмотреть на мою долгую жизнь, то, несмотря на трагическую потерю моих трех сыновей и склонность к меланхолии, которая пропала лишь в старости, я могу заключить, что прожил счастливо. Счастье проявилось в том, какие родители мне достались, и в выборе моей преданной спутницы жизни, хотя последнее, скорее, выбор судьбы; и хотя у нас не было серьезной озабоченности в деньгах – мы не бедствовали и богатыми не были, но некоторую обеспокоенность вызывал наш образ жизни, наши привычки. Я счастлив также прежде всего тем, что мне выдалась чудесная возможность посвятить себя любимому делу, а именно плодотворной научной работе, которой я занимался почти непрерывно с 20-летнего возраста. Без науки я бы впал в уныние, несмотря на то что судьба, да и родительский дом,

наделили меня хорошим чувством юмора, которое очень помогало мне в жизни. С доброй завистью я воспринимал важность других людей, я имею в виду действительно важных лично для меня, в то же время со значительной степенью презрения я отношусь к мелочным и бездушным людям. С таким отношением к жизни я не стал по-настоящему чиновником, так как слишком сильно различал существенные вещи и несущественные. Я не стал и политиком, так как признаю и *altera pars*<sup>3</sup>!

К своему счастью я отношу и то, что уродился я совершенно заурядным: ни глупым, ни гениальным; ни охваченным страстями, ни холодным и бессердечным. По темпераменту я довольно бойкий, когда общаюсь в дружеской компании или нахожусь под впечатлениями или под влиянием каких бы то ни было мыслей, но зачастую я, скорее, спокойный и медлительный.

Определяющую роль в моей жизни сыграли постоянная тяга к познанию и научная деятельность, с предрасположенностью к критической оценке окружающей действительности, то есть с необходимостью везде докопаться до истины. В Бога сам я не верю, но всегда очень боюсь разрушить чью-либо веру. К счастью, отношение к церкви в нашей семье было довольно дружелюбным, но все-таки холодным, так что мне не потребовалось больших внутренних усилий, чтобы освободиться от религиозных догм, но, вопреки моим желаниям,

---

<sup>3</sup> Лат. – противоположная сторона.

некоторое старание я все-таки приложил. Когда я полностью избавился от навязанных в детстве постулатов веры, потерял этот мистический страх, лишь только тогда я стал относиться к христианству с должным уважением.

Мне посчастливилось пережить во времена моей молодости два совершенно головокружительных периода: время великих реформ в Российской империи в 1860–1864 годах и зарождение Германского рейха в 1867–1870 годах, которое я видел, находясь в пограничном Бадене, где этот процесс ощущался особенно остро.

Одним словом, мои воззрения изменились: юноша, романтик, жаждущий неограниченной свободы, и вдруг на него обрушивается жесткий контроль со стороны общества, впервые настигнувший его в России из-за менонитов<sup>4</sup>, – невыносимо; как мужчина и старик в последующем, однако, проявился как приверженец строгой организации и ограничения прав индивидуума Законом, более того, я воспринимал это как необходимость настолько, что даже определенную часть своей жизни посвятил всеобщей трудовой повинности.

Что касается моего отношения к морали, то оно схоже с тем, как описывает его Вундт: умеренный альтруизм и социальный эвдемонизм. Однако мне присущи гораздо более сильно выраженные альтруистические и эгоистические инстинкты, которые выработались в борьбе за существование,

---

<sup>4</sup> Член протестантской секты.

а также намного более высокая оценка внутренних качеств (как свобода, миролюбие, достоинство и т. д.), чем внешних. Как сострадание впитывается с молоком матери, так, по моему разумению, аналогично приходит и чувство справедливости, которое не терпит неравенства, а при утонченном складе ума еще и поможет оценить самого себя.

Потребность жить со своим окружением в мире и согласии стала для меня, за исключением мальчишеского и юношеского возраста, гораздо важнее, чем, например, быть правым в споре или рассказать правду не к месту. Говорить неправду я практически не умел, поэтому я без конца молчал, когда видел поступки или слышал слова, с которыми я не согласен, но до некоторого предела, пока я не чувствовал, что мое молчание начинает означать потакание происходящему, то есть ложь с моей стороны, – только тогда я прерывал безмолвие. Где этот предел – дело чувства. Одно из красивейших стихотворений, которые я знаю, принадлежит перу Теодора Шторма: «Моим сыновьям».

*Правды не скрывай ужасной  
За раскаянья кулисы.  
Не мечи ее напрасно перед свиньями, как бисер!  
Пик цветенья гордых нравов —  
Уважение и скромность. Но порой, как грозы в мае,  
Нам нужна бесцеремонность.*

*<...>*

*В хоровод со всяким сбродом*

*Не иди к злым тельцам —  
И на склоне лет поймешь ты:  
Наилучший клад – ты сам!*<sup>5</sup>

Потеря самоуважения для меня всегда была худшим из всех зол, и это стало определяющим для моих моральных устоев. Но это лишь мои личные воззрения и требовательность к себе, я ни в коем случае не хочу утверждать, что у других людей должно быть так же. Перед самим собой мне хочется предстать порядочным и бескорыстным; от других я бы тоже хотел заслужить признания, но все-таки их мнение мне не так важно.

Мое неумение намеренно говорить неправду настолько глубоко засело, что я даже не умею толком что-то сочинить или нафантазировать, хотя мне очень нравится, как сочиняют поэты или, например, авантюристы. Зачастую я своими фантазийными, излишне эмоциональными выражениями или шуточными замечаниями задевал других людей, особенно свою жену. А вот во сне я всегда фантазирую, только всплывающие там образы почти никогда не бывают настоящими: места, лица, события – все вымышленное или, по крайней мере, искаженное. Я эйдетик, поскольку невольно вижу сны наяву, людей и события в которых могу тут же описать, при этом я прекрасно понимаю, что все, что в этих снах я вижу, – чистый вымысел. Конечно, я могу предпо-

---

<sup>5</sup> *Theodor Storm. Für meine Söhne.* Пер. А. Равикович.

ложить, что при моей меньшей склонности к критической оценке действительности эти сны можно было бы развить до «ясновидения» и (немного подтасовав факты во времени) толковать их как предчувствия или провидение.

Я типичная сова – пик моей активности и продуктивности приходится на вечер. Меня очень утомляет утро, а именно присущая мне медлительность. Но есть и положительная сторона этой утренней размеренности, и заключается она в том, что я могу обдумать хорошенько те вещи, над которыми работаю, увидеть их другие, скрытые от меня ранее стороны благодаря тому, что мой разум освободился от впечатлений предыдущего дня и теперь ставит задачи под другим углом – и тут же находит решения, которые я уже воплощаю в жизнь в течение сегодняшнего дня.

Характерным для моей научной деятельности является то, что ее результаты (в отличие от результатов моего брата Теодора<sup>6</sup>) публиковались в основном в научных журналах (более чем в 360 статьях). В виде отдельных монографий были изданы труды исключительно по климатологии.

Я занимался всегда только теми вопросами, которые меня действительно беспокоили и не выходили из моей головы в определенные периоды времени, и я был очень доволен, что мне удавалось их довольно скоро решить, чтобы затем взяться за научную разработку следующих и следующих, потому что таких вопросов всегда было необъятное множество,

---

<sup>6</sup> Теодор Кёппен в русской номинации Фёдор Петрович Кёппен.

и мне всегда было отрадно, когда кто-нибудь еще занимался их решением. Вдохновением для этих людей было чтение, а подчас и служебная обязанность. Раньше я совсем не понимал, почему студенты просят меня или своего научного руководителя дать им задание, ведь меня эти задачи буквально преследовали, мучили мое сознание беспрестанно, и я лишь был недостаточно усидчив, чтобы с ними всеми совладать. Сначала я знакомился с материалом поверхностно и очень бегло – грубыми методами составлял статистику, чтобы понять целесообразность всего этого дела, и если таковой не находилось, то я не тратил своего времени на дальнейшую разработку этого вопроса.

Мои исследования в метеорологии, географии и геологии четвертичного периода изложены в отраслевых научных журналах. Однако мои научные интересы не ограничивались этими направлениями.

# Мое происхождение и мое детство

О своих предках я мало что знаю, так как я был младшим из шестерых детей и так вышло, что своих бабушку и дедушку я и вовсе не видел. Дедушка моего отца был окружным врачом в городе Шведт-на-Одере<sup>7</sup>, а прадед моей матери, по фамилии Аделунг, был священником в коммуне Шпантеков в Померании<sup>8</sup>. Мой дедушка, Иоганн Фридрих Кёппен, был одним из врачей, выписанных из Германии по просьбе императрицы Екатерины II для организации здравоохранения в российской провинции. Так в 1786 году он переехал в Харьков и был назначен на должность губернского врача, где 19 февраля 1793 года родился мой отец, первый из девяти детей, Петер фон Кёппен (его отец получил вместе с должностью дворянский титул<sup>9</sup> Российской империи). Когда мой дедушка ушел из жизни, а случилось это в 1808 году, то семье, я думаю, пришлось несладко. Так, Петер в свои 15 лет поступил на государственную службу, на должность помощника землемера. В 1810 году у него появилась возможность посещать Харьковский университет, и через четыре года ему была присуждена степень магистра правоведения. Затем он переехал в Петербург, где круг его общения расширился и он

---

<sup>7</sup> Современный Шведт.

<sup>8</sup> Мекленбург – Передняя Померания.

<sup>9</sup> Поясняется фамильная приставка фон.

познакомился со многими образованными людьми того времени. Особенно доверительными сложились отношения Петра Кёппена с Фридрихом фон Аделунгом<sup>10</sup>, отличавшимся своей образованностью и человеколюбием. Эта дружба позволила ему в последующем лично познакомиться со многими представителями науки и литературы.

Аделунг был филологом и переехал в качестве гувернера герцогини Курляндской<sup>11</sup> в Митаву<sup>12</sup>, а несколькими годами позднее перебрался в Петербург и был гувернером младших сыновей императора Павла. В 1830 году отец взял в жены из благородного дома Аделунгов мою замечательную маму, Александрину Аделунг. В 1825 году отец начал издавать журнал «Библиографические листы», который приумножил его славу. Из-за одной публикации, которая якобы противоречила уставу Греческой православной церкви, на него подали в суд, но в ходе процесса в церковном суде был вынесен оправдательный приговор. Ввиду этого неприятного случая мой отец захотел покинуть Петербург и отправился в Крым. Еще в 1819 году он успел познакомиться с южным побережьем полуострова и полюбить его, а теперь, найдя там подходящую работу в должности помощника инспектора по шелководству и виноградарству, решил окончательно. В 1830 году он перевез туда свою молодую жену. Начало брач-

---

<sup>10</sup> Фёдор Павлович Аделунг в русской номинации.

<sup>11</sup> Доротёя Курляндская, Анна Шарлотта Доротея фон Медем.

<sup>12</sup> Современное название Елгава (Латвия).

ного пути оказалось сложным, так как в Крыму свирепствовала холера и Кёппен на время эпидемии был назначен комендантом старинного татарского города Бахчисарай, куда с ним отправилась и его любящая отважная супруга. Это один из примеров, насколько разнообразным было использование на государственных должностях образованных и надежных мужчин в тогдашней России. Кёппен не жалел сил на решение любых стоящих перед ним задач, какую бы работу ему ни приходилось выполнять. В 1834 году он снова переехал в Петербург по вызову президента Академии наук. В 1837 году Пётр Кёппен был избран адъюнктом Императорской академии. В марте того же года правительство поручило ему важную миссию: провести ревизию всех областей и сельскохозяйственных земель Таврической губернии<sup>13</sup>

---

<sup>13</sup> Таврида (историческое название полуострова Крым).

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.